

Т. Г. Попова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

К. А. Кокорина

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: —

E-mail: tatyana_27@mail.ru; october23@mail.ru.

Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой исследование языковой личности политика, которая реализует тактики и стратегии в рамках информационно-психологической войны. Материалом исследования послужили публичные выступления российских и зарубежных политических деятелей (глав государств: Терезы Мэй, Дональда Трампа, Александра Лукашенко, В. В. Путина) и СМИ. Работа основана на исследованиях в области лингвистики информационной войны, лингвополитологии и лингвистической персонологии. Материал для анализа был отобран и исследован в соответствии с методами контекстуального, семантического и компонентного анализов. В работе авторами рассматриваются основные особенности информационной и информационно-психологической войны, разграничиваются их основные определения, делается анализ лингвопрагматических приемов, использующихся политической языковой личностью при продуцировании актов информационно-психологической войны. В работе подчеркивается, что тактики и стратегии, используемые политиками в информационно-психологической войне, могут варьироваться и зависеть от лингвокультуры (например, монокультурным является образ США как борца за фундаментальные ценности и свободы во всем мире). Чаще всего политики применяют стандартный для информационно-психологической войны набор тактик и стратегий. В статье характеризуются стратегия устрашения, или запугивания; поляризации (в рамках противопоставления «мы — они»); дискредитации оппонента; дезинформации; положительной самопрезентации; тактика создания образа врага, гиперболизации, введения аудитории в заблуждение. Образ языковой личности политика также зависит от СМИ, которые являются важным манипулятивным инструментом в руках политического деятеля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая коммуникация; язык СМИ; политические деятели; языковая личность; лингвоперсонология; информационно-психологические войны; лингвистика информационной войны; политическая риторика; политические речи; публичные речи; публичные выступления; речевая деятельность; речевые стратегии; речевые тактики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: tatyana_27@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кокорина Ксения Александровна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: october23@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова, Т. Г. Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 86-95. — DOI 10.26170/pl20-06-09.

ВВЕДЕНИЕ

Наша статья посвящена исследованию лингвопрагматических особенностей, тактик и стратегий, используемых политическими деятелями и средствами массовой информации. На основе данного анализа мы составили собирательный портрет языковой личности политического деятеля, совершающего коммуникативные действия, которые являются актами информационно-психологической войны. Материалом для статьи послужили публичные выступления российских и зарубежных политических деятелей.

Современное состояние глобальной общественной системы, текущий миропорядок и единое информационное пространство, детерминированное интенсивным развитием технологий, приводят к тому, что классические вооруженные столкновения, конфликты и войны, которые мы привыкли понимать как акты вооруженного насилия, отходят на второй план, уступая место гибридным войнам, а на сегодняшний день и информационным войнам. В связи с этим данный феномен становится объектом для изучения целого ряда наук и приобретает статус междисциплинарный.

линарного, поскольку вопросы информационно-психологической войны исследуются учеными, работающими в самых различных парадигмах знаний: политологии, социологии, социальной философии, психологии, лингвистике и др.

Среди ученых, занимающихся изучением информационной войны, можно выделить следующих исследователей: С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2004], И. В. Озюменко [Озюменко 2018], А. П. Сквородников, Г. А. Копнина [Сквородников, Копнина 2016], М. Г. Цуциева [Цуциева 2012] и др.

При определении дефиниции понятия «информационная война» специалисты неизбежно сталкиваются с высокой вариативностью трактовок данного термина. В первую очередь это связано с междисциплинарностью исследований самого феномена, который изучается в научных дисциплинах широкого спектра. Вслед за А. П. Сквородниковым и Г. А. Копниной мы трактуем информационную войну как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [Сквородников, Копнина 2016: 42].

Обладая высокой степенью универсальности и утилитарностью, информационная война может вестись во всех сферах социальной жизни, затрагивая такие области, как политика, экономика, культура, духовная сфера и многие другие области жизнедеятельности человека и общества. Примечательна и определенная самодостаточность данного типа войн, что обусловлено тем, что информационная война может обходиться без того набора сил и средств, который мы привыкли наблюдать в традиционных войнах. Кроме того, сама информационная война может быть интегрирована в войну классического типа и, соответственно, стать одной из ее составляющих.

С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2004] отмечает, что в современном мире существует тенденция к созданию такого миропорядка, в котором манипулирование сознанием может являться основной формой господства. Так, уже сегодня в мировой политике манипулирование общественным сознанием является совершенно обычным делом. В информационной войне манипулирование массовым сознанием реализуется в стратегии идеологического подчинения, в которой доминирующие социальные страты и политические

элиты стремятся навязать свои взгляды, точки зрения, определенные идеи с целью получить одобрение со стороны масс и реализовать те или иные цели. В связи с этим можно говорить о том, что на данный момент происходит формирование новой функции языка — «функции управления поведением огромных массивов и коллективов людей, функции манипулирования их сознанием, распространения определенной идеологии той частью общества, в руках которой СМИ находятся» [Озюменко 2018: 29].

С точки зрения общей классификации выделяют два типа информационной войны: информационно-техническую и информационно-психологическую войны [Сквородников, Копнина 2016: 42]. Если информационно-техническая война направлена на деструктивные действия по отношению к системам связи различного рода, телерадиокоммуникационным системам, то целью информационно-психологической войны является воздействие на психику индивида или общества и, таким образом, влияние на общественное сознание. Именно данный тип — информационно-психологическая война — и является актуальным объектом для исследований в ряде гуманитарных дисциплин, включая лингвистику.

Информационно-психологическая война понимается нами как «намеренное информационное воздействие на какой-либо объект (сознание народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения с целью извлечения выгоды субъектом этого воздействия, осуществляемого с привлечением определенных речевых стратегий, тактик и языковых средств» [Сквородников, Королькова 2015: 161]. Так, субъект, будучи одним из основных атрибутов информационно-психологической войны, может выступать как инициатор, актер, а также исполнитель действий информационно-психологической направленности. Кроме того, сам субъект может как совмещать в себе эти роли, так и исполнять только некоторые из них, так как, к примеру, актер и инициатор могут не совпадать в субъекте в силу тех или иных функций, возложенных на сам субъект коммуникации.

Как правило, объект информационно-психологической войны характеризуется своей массовостью, поэтому зачастую им является сознание целого народа или целевой группы. Сознание индивида в качестве объекта информационно-психологической войны выступает намного реже. На сегодняшний день глобализационные процессы приводят к тому, что объектом может выступить

пать даже не сознание целевой группы, не народа, а сознание всего человечества или его части [Сковородников, Королькова 2015: 161].

Принимая во внимание, что «информационная война — это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], следует считать основным средством для ее осуществления речевое воздействие. Что касается самой информационной войны, то она представляет собой определенное противоборство конфликтующих сторон, которое актуализируется в связи с наличием тех или иных разногласий в интересах и реализуется посредством преднамеренного и направленного воздействия на сознание идеологического противника, которым может являться как индивид, так и определенная социальная группа или народ.

Такое воздействие осуществляется с целью когнитивного подчинения или подавления противоборствующей стороны, а также защиты от ответных мер, которыми может воспользоваться противник. Таким образом, ученые (см.: [Сковородников, Копнина 2016: 43]) выделяют отдельное направление в языкознании, определяемое ими как «лингвистика информационно-психологической войны», предметом которой принято считать речевые технологии, объективирующиеся посредством стратегий, тактик, а также тех или иных приемов и, соответственно, мотивированные поставленными целями и задачами.

Манипулятивная способность языка обусловлена его психофизиологической природой — возможностью кодировать и декодировать информацию, которая способствует репрезентации мыслей в выгодной для актора коммуникации форме, выдавая одно за другое, а также интерпретацией определенных событий. Эти события чаще всего носят политический характер. Отметим также то немаловажное обстоятельство, что языковое манипулирование обусловлено крайне имплицитным воздействием на реципиента, где использование языковых особенностей, тактик и стратегий происходит завуалированно. Несмотря на подобную имплицитность, происходит максимально эффективное воздействие на сознание адресата и, соответственно, у реципиента вызываются необходимые для манипулятора эмоциональные реакции, действия или намерения совершить те или иные действия, заданные актором манипуляции.

Таким образом, можно говорить о том, что манипуляция, в частности языковая манипуляция, является одним из основных методов информационно-психологической войны.

Метод манипуляции часто используется в политическом дискурсе. Методологической базой для исследования манипулятивной функции в политическом дискурсе являются фундаментальные труды А. П. Чудинова [Чудинов 2006: 8; 2014: 269—270; 2019: 40—49], где подчеркивается, что манипуляция в политическом дискурсе обусловлена самой целью данного вида дискурса, который направлен на пропаганду определенных идей и целей говорящего, на эмоциональное воздействие на адресата с целью принятия последним необходимого решения [Чудинов 2006: 8]. Коммуникация в данном виде дискурса выполняет коллективно-регулятивную функцию. Говоря иными словами, речь идет об осуществлении того или иного воздействия сразу на массовую аудиторию, которая является целевой, и, следовательно, в сознании масс порождается выгодное для продуцента дискурса отношение.

Таким образом, можно говорить о том, что политический дискурс представляет собой основной плацдарм для ведения информационных войн, как напрямую, так и опосредованно, через средства массовой информации. Что касается самих политиков, то они, будучи основными продуцентами политически направленных высказываний, являются основными акторами речевых действий манипулятивной направленности.

На наш взгляд, представляется особо актуальным проанализировать языковую личность политических деятелей в рамках реализации ими действий, которые можно отнести к информационно-психологической войне. Характерные черты политической коммуникации, которые отличают ее от остальных видов дискурса, позволяют исследовать языковую личность политика как «динамичный синкретический феномен» [Цуциева 2012: 105]. Подчеркнем, что задачей деятельности политика как когнитивно-речевого субъекта является реализация основной цели политической коммуникации — борьбы за власть посредством применения различного рода побудительных и персуазивных тактик и стратегий.

Как правило, когнитивно-речевой субъект политического дискурса стремится наделить свою коммуникацию высокой степенью эмоциональности и манипулятивности с целью оказания влияния на целевую аудиторию. Данная цель достигается «путем системного воздействия на реципиента: как на языковом и визуальном, так и на эмоциональном и рациональном уровнях» [Попова, Зарипов 2017: 125].

Задачей же языковой личности политической коммуникации в рамках информационной войны можно считать создание у це-

левой аудитории, чаще всего массовой, ощущения определенного политического хаоса в другой стране, экономической нестабильности, бездуховности и безнравственности ее народа или определенных социальных групп. В подобном глобальном масштабе успех реализации информационно-психологической войны зависит от таких составляющих, как контроль информационного пространства интересующей стороны, защита своего информационного пространства и, таким образом, проведение грамотного и своевременного продуцирования самих действий с использованием методов информационно-психологической войны.

Говоря о субъекте политической коммуникации, которым чаще всего выступает сам политический деятель, можно отметить тот факт, что он зачастую пренебрегает информативностью своего высказывания в пользу придания дискурсу оценочности и персуазивности. Следовательно, продуцируя тексты информационно-психологической войны, политики ориентируются больше на элементы вербального и невербального (мимика, жесты) воздействия, нежели предоставляют адресату достоверную информацию. Различная степень информативности политического текста детерминирована степенью побудительности дискурса и того, нацелен ли текст на оказание влияния на адресата. В любом случае, политическая языковая личность всегда прибегает к фактору эмотивности, без которого политический дискурс и сама информационно-психологическая война просто невысказимы.

Отметим, что эмотивность реализуется политиком посредством целого ряда составляющих, в том числе и вербальной агрессии, при которой эмоции играют роль определенного мотивирующего импульса. Подчеркнем, что такое проявление агрессии реализуется посредством агональной функции [Шейгал 2000: 66] политического дискурса.

Таким образом, посредством эмоций акторы информационно-психологической войны могут мобилизовывать и побуждать целевую аудиторию к действиям самого различного рода. Следовательно, можно говорить о том, что эмоции при продуцировании текстов той или иной специфической направленности могут быть инструментом для мотивации или инспирации.

В нашей работе мы используем термин «стратегия», под которым вслед за А. П. Сковородниковым [Бернацкая 2017: 66] понимаем «общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего

на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации».

В свою очередь, речевая тактика понимается нами как «речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа». Тактика реализуется в дискурсе посредством специфических приемов, или коммуникативных ходов. Представляется целесообразным подчеркнуть тот факт, что если стратегия выбирается субъектом коммуникации намеренно в соответствии с той или иной коммуникативной целью, то актуализация тактик иногда может происходить интуитивно в процессе порождения речевого высказывания.

Языковая личность в информационно-психологической войне рассматривается с коммуникативно-прагматической позиции, что соответствует прагматическому уровню языковой личности трехуровневой структуры языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов 1987].

ИССЛЕДОВАНИЕ

Прежде всего представляется целесообразным остановиться на стратегии устрашения, или запугивания, которая активно используется в информационно-психологической войне с целью нагнетания устрашающей обстановки и введения общественных масс в определенного рода психологическое состояние. Эта стратегия активно используется как СМИ, так и политическими деятелями. В политическом дискурсе данная стратегия может быть реализована при помощи различного рода тактик, основными из которых являются тактика угрозы, тактика апелляции к авторитету и тактика создания образа врага. Приведем пример, когда бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй использует стратегию запугивания, произнося речь о «деле Скрипалей»:

This was a sickening and despicable act in which a devastatingly toxic nerve agent — known as Novichok — was used to attack our country. It left four people fighting for their lives and one innocent woman dead [PM statement on the Salisbury investigation]. — Это был отвратительный и омерзительный акт, в ходе которого для нападения на нашу страну было использовано разрушительное токсичное нервно-паралитическое вещество, известное как „Новичок“. В результате четыре человека боролись за свои жизни, а одна невинная женщина погибла.

Стратегия запугивания в данном примере осуществляется при помощи тактики создания образа врага. Для успешной реализации данной тактики политик прибегает к такому лингвистическому приему, как использование экспрессивно-выразительной лексики, в данном случае эпитетов. Умышленное использование эпитетов с крайне высоким экспрессивно-выразительным наполнением создает у целевой аудитории ощущение страха и опасности нахождения в собственной стране в связи с присутствием агрессора. Эпитеты *sickening and despicable* служат для создания ощущения того, что потенциальный враг, который уже действует на территории страны, не остановится ни перед чем в достижении своих целей.

Кроме того, реализуя стратегию запугивания, Тереза Мэй также пользуется стратегией противопоставления «мы — они». Данная стратегия известна под названием «стратегия поляризации» [Озюменко 2018: 31], когда *мы* позиционируется как нечто, следующее букве закона, отвечающее всем нормам морали, нравственности, придерживающееся фундаментальных принципов демократии. В то время как *они* трактуются говорящим как нечто отрицательное, варварское. Данная стратегия, как правило, основывается на принципе двойных стандартов.

В качестве примера приведем следующие высказывания бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй:

I also said that — while we all share a sense of impatience to bring those responsible to justice — as a nation that believes in the rule of law we would give the police the space and time to carry out their investigation properly. Mr Speaker, we repeatedly asked Russia to account for what happened in Salisbury in March, and they have replied with obfuscation and lies [PM statement on the Salisbury investigation]. — Я также сказала, что, хотя все мы разделяем чувство нетерпения привлечь виновных к ответственности — как нация, которая верит в верховенство закона, мы дадим полиции пространство и время для надлежащего проведения расследования. Г-н Спикер, мы неоднократно просили Россию объяснить то, что произошло в Солсбери в марте, и они отвели обманом и ложью.

Приводимый нами пример демонстрирует стратегию поляризации, где Великобритания (*мы*) представлена как страна, следующая нормам права и демократии, основным человеческим ценностям. В свою очередь, Россия (*они*) описывается политиком как вероломное государство, которое пытается скрыть те или иные факты. Таким обра-

зом, с точки зрения Терезы Мэй, Россия выглядит как страна, которая пытается помешать расследованию. Следовательно, высказывание бывшего премьер-министра Великобритании вызывает у целевой аудитории чувство отвращения и страха перед дискредитируемой ею страной.

Тактика создания образа врага в стратегии устрашения может быть реализована и при помощи такого приема, как использование определенных наборов клише и шаблонов. Подобного рода лексические конструкции с высокой степенью репрезентации, повторяемые политиками (а потом и СМИ), откладываются в сознании масс, создавая изначально негативное отношение к предмету коммуникации. Одним из таких примеров может являться клише «*Russian aggression*», частотное в политическом дискурсе.

Тереза Мэй в своих выступлениях также использует данное клише, что является средством репрезентации тактики создания образа врага, которая реализуется в выражении *a growing danger to* с целью усиления воздействия на адресата: ***Russia's continued aggression represents a growing danger to Estonia as well as Latvia, Lithuania and Poland'*** [Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable]. — ***Продолжающаяся агрессия России представляет растущую опасность для Эстонии, а также для Латвии, Литвы и Польши.***

Прием подобного рода, использованный в приведенном примере, заведомо настраивает целевую аудиторию против России, характеризуя страну как агрессора, который представляет угрозу для большинства стран Евросоюза, включая бывшие страны СССР. Активно подхватывают это шаблонное выражение и СМИ, при описании различных событий, связанных с политиком, часто употребляющие данное клише, чем целевой аудитории и массам навязывается необходимая политикам оценка происходящего:

Theresa May has condemned an attack by Russian warships on Ukrainian military vessels in the Black Sea as an act of aggression, as Kremlin officials accused Kiev of conspiring with the West to secure backing for further economic sanctions against Moscow [Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships]. — Тереза Мэй осудила нападение российских военных кораблей на украинские военные корабли в Черном море как акт агрессии, поскольку официальные представители Кремля обвинили Киев в сговоре с Западом, чтобы заручиться поддержкой для дальнейших экономических санкций против Москвы.

Приведем еще один пример: *Theresa May has asked Donald Trump to raise the issue of Russian aggression against the west, including the Salisbury nerve agent attack, when he meets Vladimir Putin for high-stakes talks next week* [Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin]. — Тереза Мэй попросила Дональда Трампа поднять вопрос о **российской агрессии** против Запада, включая атаку с применением нервно-паралитического вещества в Солсбери, когда он встретится с Владимиром Путиным для ответственных переговоров на следующей неделе.

Постоянно повторяющиеся в политическом дискурсе и часто репрезентируемые негативно окрашенные клише и штампы, имеющие отрицательную коннотацию, задают необходимую политикам атмосферу утешения и негативного настроения по отношению к идеологическому противнику, которым в данном случае выступает Россия. Используя данный прием, политики заставляют целевую аудиторию верить в то, что та или иная страна действительно представляет угрозу глобальному миропорядку. Таким образом, реализуется тактика создания образа врага и происходит изменение отношения к предмету дискурса на резко негативное, как к чему-то устрашающему, соответственно, осуществляется стратегия запугивания.

Многие политические деятели используют различные комбинации тактик и приемов при продуцировании политических высказываний. Так, к примеру, Дональд Трамп в одном из интервью использует классическую для политического дискурса стратегию дискредитации оппонента (в данном случае бывшего Президента США Б. Обамы). Стратегия дискредитации в данном случае реализуется посредством тактики обвинения предыдущего президента:

*Q Something that happened that got them kicked out of the G8 was the **invasion and annexation of Crimea**. Do you think that Crimea should be recognized as Russian (inaudible)?*

THE PRESIDENT: Well, you know, you have to ask President Obama, because he was the one that let Crimea get away. That was during his administration. And he was the one that let Russia go and spend a lot of money on Crimea, because they've spent a lot of money on rebuilding it. I guess they have their submarine port there and such [Press Conference by President Trump After G7 Summit]. — **Что-то, что их изгнало из G8 — это вторжение и аннексия Крыма. Считаете ли вы, что Крым следует признать российским?**

ПРЕЗИДЕНТ: Ну, вы знаете, вы должны спросить президента Обаму, потому что

именно он позволил Крыму уйти. Это было во время его правления. И именно он попустительствовал тому, что Россия вошла в Крым и направила много денег на полуостров и на его восстановление. Я думаю, у них там есть подводный порт и все такое.

Кроме того, в приведенном выше примере мы видим использование политиком не только стратегии дискредитации, но и стратегии дезинформации, которая реализуется посредством применения тактики введения аудитории в заблуждение. Оперирование такими ложными понятиями, как *invasion and annexation of Crimea* (вторжение и аннексия Крыма), является одним из языковых приемов реализации данной тактики. К стратегии дезинформации в данном примере можно также отнести предложение *I guess they have their submarine port there and such*, которое демонстрирует тактику приведения данных без опоры на достоверные источники. Мы видим, что, используя вводную фразу *I guess*, которая является языковым приемом выражения субъективности, политик «додумывает», а возможно, и искажает данные, так как не знает их достоверность наверняка. Тем самым аудитория вводится в заблуждение относительно тех или иных фактов действительности.

Подобные комбинации используются в дискурсе информационно-психологической войны для создания текстов с большей выразительностью, эмоциональностью и высокой степенью манипулятивности.

Кроме стратегии дискредитации, Дональд Трамп активно использует стратегию положительной самопрезентации, попутно дискредитируя предыдущего президента и, соответственно, пытаясь выставить Россию в неблагоприятном свете:

I sent [Ukraine] a massive number of anti-tank busters. I sent them military equipment and Obama sent them nothing. That's against Russia. I made us the number one oil-producing country in the world. It wasn't even close. I made us number one — that's bad for Russia [Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia]. — Я послал [в Украину] огромное количество противотанковых средств. Я послал им военную технику, а Обама ничего не послал. Это против России. Я сделал нас нефтянодобывающей страной номер один в мире. А того даже близко не было. Я сделал нас номером один — это плохо для России.

Говоря о США как о стране номер один, политик реализует в дискурсе такую тактику, как гиперболизация, которая в данном случае является составляющей стратегии создания положительного имиджа. Президент

Соединенных Штатов Америки намеренно преувеличивает значение страны на мировой арене. В примере это реализуется посредством гиперболизированного выражения *number one* — и таким образом принижается статус страны-соперника: *bad for Russia*. В текстах манипулятивной направленности использование таких ярких по своей эмоциональной окрашенности тропов, как гипербола или литота, представляется довольно частым приемом, который служит созданию выгодной для автора послания негативной или крайне положительной оценочности текста.

Следующий пример также демонстрирует стратегию положительной самопрезентации, которая применяется политиками для создания не только собственного положительного имиджа, но и образа страны в целом. Так, в политическом дискурсе США данная стратегия реализуется ставшей уже традиционной в текстах информационной войны тактикой представления Соединенных Штатов Америки как борца за фундаментальные ценности и свободы, «борца за мир во всем мире» и освобождения его от «российской агрессии»: *Germany is paying billions of dollars, billions to Russia. And we're supposed to protect Germany from Russia How does that work? I rebuilt our military. We now have the newest military we've ever had. That's not good for Russia either. You understand?* [Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia] — *Германия платит России миллиарды долларов, миллиарды долларов. И мы должны защищать Германию от России. Как это работает? Я восстановил нашу армию. Теперь у нас есть новейшие вооруженные силы, которые у нас когда-либо были. Для России это тоже нехорошо. Ты понимаешь?*

При продуцировании дискурса тактика гиперболизации, преувеличения каких-либо свойств или качеств используется также и российскими политиками: *„Мы вообще ничего не боимся — страна с такой территорией, с такой системой обороны, с таким населением, готовым отстаивать свою независимость, свой суверенитет, — продолжил он. — Далеко не везде, не во всех странах есть такая предрасположенность граждан жизнь свою отдать за отечество — у нас есть“* [«Что В. В. Путин рассказал на «Валдае»].

В данном примере Президент России В. В. Путин, используя тактику гиперболизации, посредством гиперболы *вообще ничего не боимся* стремится создать у целевой аудитории — жителей страны — не только крайне положительный образ бесстрашного

русского народа — «мы», но и ощущение безопасности и в то же время самоотречения — способности отдать жизнь за страну в случае необходимости.

Активно применяется политиком и стратегия устрашения. Одной из показательных цитат можно считать следующее принадлежащее В. В. Путину высказывание, в котором данная стратегия реализуется при помощи тактики имплицитной угрозы: *Агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен. А мы, как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай* [Что Путин рассказал на «Валдае»]. Президент в своем дискурсе также использует сочетание стратегий — стратегию устрашения он комбинирует со стратегией поляризации, употребляя противопоставление «мы — они».

Белорусский Президент Александр Лукашенко в связи с нестабильной ситуацией в стране в своих интервью также прибегает к запугиванию аудитории неким внешним агрессором, называя его «они», но не идентифицируя его. Это четко прослеживается в следующем примере: *Вы видите, что они уже тащат сюда „альтернативного президента“, делают это всерьез, поскольку сыплются заявления западных государств о финансировании, поддержке. Военная поддержка налицо — передвижение войск НАТО к границам. Они все двигают к тому, чтобы затащить сюда якобы нового президента. Он обращается к западным государствам, в данном случае НАТО, с целью защиты населения. Они вводят войска — и на Беларуси можно поставить крест* [«Лукашенко: как мы и предполагали, все идет по плану цветных революций, но с использованием внешнего фактора»].

В дискурсе президента звучит размытое «они», которое не имеет четкого определения. На подсознательном уровне целевая аудитория позиционирует их как тех, кто пытается дестабилизировать ситуацию в стране. Однако политик, прибегая к подобной абстрактности, уходит от их конкретной идентификации. То же самое относится и к выражению *заявления западных государств*, которое вследствие смысловой неопределенности не дает никакой конкретики относительно того, какие из стран и их представителей могли сделать заявления.

Таким образом, у аудитории от воспринятого текста остается крайне тревожное общее впечатление. Впитывая подобное сильное, но неопределенное заявление, реципиент имплицитно заражается атмосферой тревожности или страха, вследствие чего становится восприимчив к манипуляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав некоторые стратегии, тактики и приемы, реализуемые в политическом дискурсе, мы можем говорить о том, что стратегии и тактики манипуляции сознанием реализуются посредством определенных языковых приемов. Политические деятели являются активными акторами и продуцентами текстов информационно-психологической войны в политическом дискурсе. Каждый из них, будучи языковой личностью, реализует акты информационно-психологической войны на прагматическом уровне посредством тех или иных стратегий, тактик и приемов. Однако если коммуникативные стратегии являются общими для политических деятелей разных культур, то определенные тактики могут иметь сугубо монокультурную принадлежность (например, образ США как борца за фундаментальные ценности и свободы во всем мире). Образ языковой личности политика также зависит от СМИ, которые являются важным манипулятивным инструментом в руках политического деятеля.

ИСТОЧНИКИ

1. Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships // The Times: site. — URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/may-condemns-russian-aggression-over-seizure-of-ukrainian-ships-p7rcl6888> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
 2. Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin // The Guardian: site. — URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/jul/11/theresa-may-urges-trump-to-raise-nerve-agent-attack-with-putin> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
 3. Press Conference by President Trump After G7 Summit // White House: site. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-conference-president-trump-g7-summit/> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
 4. Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia // Washington Post: site. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/10/trump-confirms-an-interview-us-cyberattack-russia/> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
 5. «Мы попадем в рай, а они — просто сдохнут». Что Путин рассказал на «Валдае» // RIA: site. — URL: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html> (дата обращения: 08.08.2020). — Текст : электронный.
 6. Лукашенко: как мы и предполагали, все идет по плану цветных революций, но с использованием внешнего фактора // belta.by: site. — URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-kak-my-i-predpolagali-vse-idet-po-planu-tsvetnyh-revoljutsij-no-s-ispolzovaniem-vneshnego-403755-2020/> (дата обращения: 24.08.2020). — Текст : электронный.
 7. PM statement on the Salisbury investigation: 5 September 2018 // gov.uk: site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018> (дата обращения: 08.08.2020). — Text : electronic.
 8. Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable // TASS.com: site. — URL: <https://tass.com/politics/968224> (дата обращения: 08.08.2020). — Text : electronic.
- ## ЛИТЕРАТУРА
9. Бернацкая, А. А. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. : в 2-х кн. / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2017. — Кн. 1. — 340 с. — Текст : непосредственный.
 10. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм, 2004. — 526 с. — Текст : непосредственный.
 11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 257 с. — Текст : непосредственный.
 12. Озюменко, И. В. Манипуляция общественным сознанием в средствах массовой информации как угроза национальной безопасности / И. В. Озюменко. — Текст : непосредственный // Язык, культура и «мягкая сила» : сборник научных трудов / Ин-т европ. языков и культур Гуандун. ун-та иностр. яз. и междунар. торговли ; Урал. гос. пед. ун-т. — Гуанчжоу, Китай : [б. и.], 2018. — С. 28—34.
 13. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — Вып. 5 (65). — С. 125—129.
 14. Синельникова, Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 95—101.
 15. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Колпина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 42—50.
 16. Сковородников, А. П. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») / А. П. Сковородников, Э. А. Королькова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 160—172.
 17. Цуциева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2012. — № 2. — С. 104—107.
 18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.
 19. Чудинов, А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т (Екатеринбург). — Екатеринбург : [б. и.], 2014. — С. 269—270.
 20. Чудинов, А. П. Индивидуальный стиль политика сквозь призму комического / А. П. Чудинов, М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 40—49.
 21. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал ; Рос. акад. наук., Ин-т языкознания ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с. — Текст : непосредственный.

T. G. Popova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

K. A. Kokorina

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: tatyana_27@mail.ru; october23@mail.ru.

Linguistic Personality of a Politician as a Factor of Information-Psychological Warfare

ABSTRACT. *The article explores linguistic personality of a politician which realizes the tactics and strategies within the frames of information-psychological warfare. The research material includes public speeches of Russian and foreign politicians (state leaders: Theresa May, Donald Trump, Aleksandr Lukashenko, V. V. Putin) and mass media publications. The study is based on research in the field of information warfare linguistics, linguopolitology and linguistic personality. The research material was selected and studied using the methods of contextual, semantic and component analyses. The authors dwell on the main peculiarities of information and information-psychological warfare, delimitate their basic definitions and carry out an analysis of the linguopragmatic techniques used by a political linguistic personality while producing acts of information-psychological warfare. The article stresses that the tactics and strategies used by politicians in information-psychological warfare may be subject to variation and depend on the linguoculture (e.g. the image of the USA as a fighter for fundamental values and freedoms across the world is monocultural). More often than not, politicians use the set of tactics and strategies standard for information-psychological warfare. The article characterizes the strategies of intimidation or harassment; polarization (within the opposition "we – they"); discreditation of the opponent; disinformation; positive self-presentation; tactics of enemy creation, hyperbolization and misleading the audience. The image of the linguistic personality also depends on mass media which are an important manipulation tool in the hands of a politician.*

KEYWORDS: *journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political communication; mass media language; politicians; linguistic personality; linguopersonology; information-psychological warfare; linguistics of information warfare; political rhetoric; political speeches; public speeches; public addresses; speech; speech strategies; speech tactics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Popova Tat'yana Georgievna, Doctor of Philology, Professor of English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kokorina Kseniya Aleksandrovna, Adjunct, English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Popova, T. G. Linguistic Personality of a Politician as a Factor of Information-Psychological Warfare / T. G. Popova, K. A. Kokorina // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 86-95. — DOI 10.26170/pl20-06-09.*

MATERIALS

1. Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships // The Times: site — <https://www.thetimes.co.uk/article/may-condemns-russian-aggression-over-seizure-of-ukrainian-ships-p7rcl6888> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

2. Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin // The Guardian: site — <https://www.theguardian.com/politics/2018/jul/11/theresa-may-urges-trump-to-raise-nerve-agent-attack-with-putin> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

3. Press Conference by President Trump After G7 Summit // White House: site. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-conference-president-trump-g7-summit/> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

4. Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia // Washington Post: site. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/10/trump-confirms-an-interview-us-cyberattack-russia/> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

5. "My popadem v raj, a oni — prosto sdohnut". Chto Putin rasskazal na "Valdae" ["We will go to heaven, and they will simply die." What Putin said at Valdai] // RIA: site. — URL: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.

6. Lukashenko: kak my i predpolagali, vse idet po planu cvetnyh revoljucij, no s ispol'zovaniem vneshnego faktora [Lukashenko: as we expected, everything is going according to the plan of color revolutions, however with the usage of an external factor] // belta.by: site. URL: <https://www.belta.by/president/>

view/lukashenko-kak-my-i-predpolagali-vse-idet-po-planu-tsvetnyh-revoljucij-no-s-ispol'zovaniem-vneshnego-403755-2020/ (date of access: 24/08.2020). — Text : electronic.

7. PM statement on the Salisbury investigation: 5 September 2018 // gov.uk: site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

8. Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable // TASS.com: site. — URL: <https://tass.com/politics/968224> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

REFERENCES

9. Bernackaja A. A., Evseeva I. V., Kolmogorova A. V. i dr. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija: v 2-h kn. [Linguistics of information-psychological warfare: monograph: in 2 books] / pod red. A. P. Skovorodnikova. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj un-t, 2017. Kn. 1. 340 s.

10. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem [Manipulation of consciousness]. — M.: Algoritm, 2004. — 526 s.

11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality] / Ju. N. Karaulov. — M.: Nauka, 1987. — 257 s.

12. Ozjumenko I. V. Manipuljacija obshhestvennym soznaniem v sredstvakh massovoj informacii kak ugroza nacional'noj bezopasnosti [Manipulation of public consciousness in the media as a threat to national security] // Jazyk, kul'tura i «mjagkaja sila». Sbornik nauchnyh trudov. / In-t evrop. jaz. i kul'tur Guandun. un-ta inostr. jaz. i mezhdunar. trgovli ; Ural. gos. ped. un-t — Guanchzhou [b.i.], Kitaj [b.i.]. 2018. S. 28-34.

13. Popova T.G., Zaripov R.I. Osobennosti metaficheskoj reprezentacii obraza Rossii v zapadnyh SMI [Features of meta-

phorical representation of the image of Russia in the Western media] // Politicheskaja lingvistika / gl. red. A.P. Chudinov, FGBOU VO «Ural.gos.ped. un-t». — Ekaterinburg, 2017. — Vyp. 5 (65). — S. 125-129.

14. Sinel'nikova L. N. Informacionnaja vojna ad infinitum: ukrainiskij vektor [Information war ad infinitum: Ukrainian vector] // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 95—101.

15. Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42— 50.

16. Skovorodnikov A. P., Korol'kova Je. A. Rechevyje taktiki i jazykovye sredstva politicheskaj informacionno-psihologicheskoj vojny v Rossii: jetiko-pragmatičeskij aspekt (na materiale «Novoj gazety») [Speech tactics and linguistic means of political information and psychological warfare in Russia: ethical and pragmatic aspect (based on the material of 'Novaya Gazeta')] // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172.

17. Cucieva M.G. Jazykovaja ličnost' kak sub#ekt političeskogo diskursa [Linguistic personality as a subject of political

discourse] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2012. № 2. S. 104-107.

18. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: Učeb. posobie [Political linguistics: Textbook] / Moskva. Izd-vo «Flinta», «Nauka». 2006. — 254 s.

19. Chudinov A.P. Ponjatijno-terminologičeskij aparat političeskoj lingvistiki [Conceptual and terminological apparatus of political linguistics] // Materialy Meždunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaja komunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija». Ur. gos. ped. un-t (Ekaterinburg). 2014. — 269-270 S.

20. Chudinov A.P., Nikiforova M.V. Individual'nyj stil' politika skvoz' prizmu komičeskogo [The individual style of a politician through the prism of the comic] // Filologičeskij klass № 2 (56). Ur. gos. ped. un-t (Ekaterinburg). 2019. — 40-49 S.

21. Shejgal E.I. Semiotika političeskogo diskursa : Monografija [Semiotics of Political Discourse: Monograph] / E. I. Shejgal; Ros. akad. nauk. In-t jazykoznanija, Volgogr. gos. ped. un-t. — M. ; Volgograd : Peremena, 2000. — 367 s.